

Часть II. Экономика двоевластия

Глава 1 О «шоковой терапии», инфляции и точности прогнозов

1.1 А была ли программа? Может быть, программы-то и не было?

Исторической датой - началом рыночных реформ в России принято считать 2 января 1992 года, первый рабочий день после праздников, наполненных не столько обычной радостью и весельем, сколько сумрачным ожиданием непонятого и пугающего будущего... В этот день были освобождены цены. Впрочем, вопреки широко распространенному мнению, не все. Либерализация не затронула, например, цены на топливо и энергию (об этом еще пойдет речь), но зато были освобождены цены на большинство потребительских товаров, непосредственно касающихся каждого человека (хотя и здесь разрешались исключения на региональном уровне).

Освобождение цен стало в общественном сознании неким рубежом, чуть ли не единственным актом «шоковой терапии», которая была прописана тяжело больной экономике России ее «реаниматорами» - экономистами либерального толка. Многие противники реформ, опираясь на это представление, даже запустили в обиход версию о том, что в отличие от программы «Пятьсот дней» Шаталина-Явлинского, программы Рыжкова-Абалкина, а также некоторых других подобных документов (например, программы Е.Сабурова), у «команды» Гайдара, собственно, программы реформ-то и не было. Все свелось, мол, к повышению цен (из-за которого, действительно, на прилавках со временем появились товары - но они оказались недоступными для населения), а значит, к инфляции и - соответственно - обесценению денежных вкладов населения (У противников реформ это называлось «Гайдар ограбил старушек!», на что

Гайдар и другие реформаторы резонно отвечали: «отдавать было нечего, вклады советская власть давно растранижила, проела!»¹

На самом деле, Программа существовала; она была плодом почти полугодовой работы группы молодых высокообразованных экономистов-единомышленников под руководством директора Института экономической политики доктора экономических наук Е.Т.Гайдара. Но эта программа была подготовлена не в виде многословной брошюры, которую удобно почитать и обсудить с коллегами за чашкой чая, а в виде комплекса взаимоувязанных, совершенно конкретных документов, прежде всего - проектов федеральных Законов, Указов Президента, постановлений Правительства и т.п. Этот комплекс был даже полнее и шире, чем перечисленные программы, потому что охватывал не только чисто экономические материи (либерализация цен, приватизация государственной собственности, организация рынка, изменение системы налогов), но и политические - построение Российской государственности, системы взаимоотношений с другими странами СНГ, а также правовые вопросы. И даже гуманитарные, например, об оказании государственной помощи слабым, тем, кто сам себя в новых условиях обеспечить не сможет.

В чем были главные отличия программы Гайдара от других ?

Во-первых, авторы этой программы отрицали возможность некоего «особого пути» развития российской экономики, понимая, что экономические законы, как законы природы, действуют неотвратно и повсеместно.

¹ Кстати, бывший генерал КГБ Н.Леонов (См. его «Крестный путь России, 1991-2000. Часть 1») полагает, что он «подловил» Гайдара: дескать, вклады инвестировались в народное хозяйство, и потому за ними стояли «реальные активы» - заводы, фабрики и т.д. Видимо, не будучи экономистом, он не понимает, что стоимость разрушающихся активов, не способных давать прибыль, в рыночных условиях равна нулю. Между тем, именно такой, разрушающейся, была советская экономика в последние годы своего существования. Кроме того, часть вкладов не инвестировалась и, по идее, должна была оставаться в резерве. Но и она, не только по упомянутому выше признанию председателя Госплана СССР Н.Байбакова, но и по свидетельству самого М.Горбачева, использовалась для пополнения денежных резервов государства. Она была полностью растрочена советским режимом. Наконец, слова об «ограблении старушек» опровергаются проведенными в 1991 году обследованиями вкладов. Выяснилось, что лишь несколько процентов вкладов хранили более 80 процентов денег, они, естественно, принадлежали не «старушкам», а подпольным миллионерам-цеховикам, заграничникам, генералам и т.п. А самые массовые вклады

Поэтому, подобно большинству опробованных в мировой практике стабилизационных программ, программа Гайдара сосредоточивалась прежде всего на вопросах реформирования и оздоровления *денежного сектора*. Если все годы советской власти деньги в истинном смысле не существовали, а были лишь цифры, в лучшем случае как бы квитанции, обслуживавшие выполнение государственных планов, то теперь они должны были стать полноценным всеобщим средством платежа, и «деревянный» рубль, даже не имевший признанной в мире стоимости, должен был стать нормальной валютой, в перспективе - свободно конвертируемой как доллар, марка или франк (о евро тогда речи еще не было).

Во-вторых, программа Гайдара была не только программой экономических реформ, но и (может быть, даже в первую очередь) программой формирования национальной государственности в России после распада СССР. Она обеспечивала прежде всего суверенность российского хозяйственного законодательства, становление национальной денежной политики, национальной валютной системы, собственной налоговой, бюджетной и внешнеэкономической политики, государственной собственности и формирование новых рыночных инструментов государственного регулирования экономики.

По существу, общие принципиальные вопросы готовившихся преобразований были изложены лишь в двух документах из программного пакета. Они назывались «Стратегия России в переходный период» и «Ближайшие экономические перспективы России». Все остальные документы - а их несколько десятков - это скорее технологические карты, определяющие, что и как нужно делать, а также проекты нормативных актов, которые для этого потребуются.

(видимо, тех же старушек) были ничтожны по объему. Не о них, видимо, беспокоились «защитники бабушек», требуя возвращения вкладов...

Реализация отдельных положений этой программы началась задолго до 2 января 1992 года - в решениях V Съезда народных депутатов (октябрь - ноябрь 1991 г.), в первых Указах президента и постановлениях нового правительства, образованного этим съездом.

Наиболее важными среди них были:

Указы Президента «Об отмене ограничений на заработную плату и на прирост средств, направляемых на потребление», «О повышении заработной платы работников бюджетных организаций и учреждений», « О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)», подписанные 15 ноября 1991 г., «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» (тоже 15 ноября 1991 г.), О коммерциализации деятельности предприятий торговли (25 ноября) и бытового обслуживания населения (25 и 28 ноября).

Указ « О мерах по либерализации цен» (4 декабря 1991 г.) и постановление Правительства того же названия от 19 декабря.

Указы «О едином экономическом пространстве РСФСР» (12 декабря 1991 г.) и «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» (27 декабря 1991 г.)

«Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г.» (29 декабря 1991 г.).

Наконец, следует добавить частное, но действительно революционное по духу решение правительства о пересмотре порядка выдачи квот на вывоз нефти и нефтепродуктов, принятое в ноябре 1991 г. (один из участников событий рассказывал мне: представьте себе ситуацию, когда уже выплачены миллионные взятки, ведь внутренние и мировые цены различались тогда в сотню раз, дело идет о миллиардах долларов – и вдруг все рушится! Удивительно, что нас тогда не перестреляли...)_

Каждый, кто с этими документами знаком не понаслышке, понимает, что все они пронизаны единой идеей, четкой последовательностью - *это и была программа экономических реформ в России*. Позднее она будет развиваться, изменяться (мы рассмотрим далее очень важный документ – правительственную «Программу углубления экономических реформ»), будут и прорывы вперед, и, к сожалению, отступления вспять - но основа реформ этим комплексом была заложена. Нельзя здесь не упомянуть также Указ Президента «О свободе торговли», обнародованный в последних числах января 1992 года и оказавший огромное влияние на весь ход дальнейших событий.

Таким образом, «шоковая терапия» далеко не сводилась к освобождению цен – она носила комплексный характер.

Простое сравнение того, что было в социалистической централизованно планируемой системе, с тем, что стало в новой системе (пусть еще не рыночной, но начинающей движение к рынку) покажет поистине революционное значение происшедших в одночасье перемен:

Было

Стало

<p>Все цены в народном хозяйстве устанавливались и изменялись централизованно, для чего существовал государственный комитет по ценам и подразделениями на местах</p>	<p>Предприятиям разрешили самостоятельно устанавливать цены на производимую ими продукцию</p>
<p>Производственные ресурсы распределялись централизованно, фондам. Предприятия были лишены возможности выбирать поставщиков – покупать сырье дешевле, ближе (впрочем, это им и не было нужно: все затраты, записанные в план, считались оправданными). Они не могли свободно продавать свою продукцию</p>	<p>Предприятиям предоставлено право самостоятельного сбыта и покупки продукции</p>
<p>Торговые предприятия могли применять только централизованно назначаемые цены на товары, в результате чего</p>	<p>Предприятиям торговли разрешили применение договорных цен на все виды товаров и услуг.</p>

избытке образовывались запасы «неликвидов», множились потери, а в дефиците (что было намного чаще) перепродаже товаров наживались спекулянты.	
В стране действовала жесткая система монополии внешней торговли (которую не без оснований называли монополией Министерства внешней торговли)	Предприятия и фирмы получили право осуществлять внешнеторговые операции при соблюдении определенных правил и ограничений.
Органы материально-технического снабжения во главе с Госснабом СССР разветвленной сетью его подразделений были по существу управленческими организациями, диктовавшими предприятиям, для кого, что и производить.	Были заложены основы коммерциализации государственных органов материально-технического снабжения, то есть превращения их в торгово-посреднические службы материально заинтересованные в наилучшем обеспечении предприятий всем необходимым.
Деятельность негосударственных торгово-закупочных предприятий запрещена (кроме потребительской кооперации на селе, которая, впрочем, была негосударственной только по названию)	Разрешена частная торговая деятельность негосударственных торгово-закупочных организаций самым закладывались основы демонополизации оптовой и розничной торговли

То есть все то, о чем годами дискутировали экономисты и политики в период перестройки, вводилось одним актом, полностью разрушая основы замшелой планово-распределительной хозяйственной системы.

По существу, экономика России перестала быть социалистической. Конечно, она далеко еще не стала капиталистической, но российский капитализм в большой степени именно из этой отправной точки начал возрождаться после тяжелого и продолжительного перерыва.

Была ли альтернатива освобождению цен в тот момент? Да, была. Более того, можно указать на две альтернативы.

Первая состояла в том, чтобы оставить все по-прежнему. Оставить прежде всего фиксированные государственные цены, при которых то немногое, что в торговлю поступало, не доходило до покупателей, доставаясь

узкому кругу привилегированных или просто «сидящих на товаре» и причастных к его распределению. Очевидное последствие такого решения - голод, который должен был разразиться примерно в марте - апреле, когда, как ожидалось, кончатся запасы у основной массы населения. Причем голод повсеместный, а не ограниченный какой-нибудь территорией, которую можно было бы как-то изолировать от внешнего мира, как это сделал Сталин, организовавший голод на Украине в начале тридцатых годов.

Голодный человек работать не может - остановились бы заводы, фабрики, железные дороги. Наступил бы паралич хозяйства, начались бы «голодные бунты», о которых, как мы помним, предупреждали даже академические ученые.

Вторая альтернатива либерализации цен: введение карточной системы, чтобы голод хоть как-то предотвратить. Она широко обсуждалась, но расчеты показывали, что государственные «закрома» России просто не располагали запасами ряда продуктов, достаточными для установления хотя бы мало-мальски удовлетворительных норм (пусть даже на уровне военного времени). Кроме того, и это самое важное, карточная система в розничной торговле неизбежно влечет за собой всеохватывающую систему обязательных поставок продовольствия. А если колхозы и совхозы не все захотят выполнять «первую заповедь»? Как поступать с непокорными? Это мы тоже знаем, это мы проходили: штрафы, потом продотряды, потом аресты... Словом, с большой степенью вероятности от карточек до ГУЛАГа - один шаг. Стоило ли сворачивать на эту дорогу?.

При всех трудностях, которые мы пережили за последние годы, давайте все это учитывать, вспоминая 2 января 1992 года. Учитывать, что голод, казалось бы, неизбежный, не состоялся. Что бунты, а за ними и гражданская война, не разразились. Что продотряды по деревням не рыскают и за укрытие хлеба от них ревтрибуналы (или, может быть,

демптрибуналы?) людей не расстреливают. Что живем мы хотя и трудно, но все-таки живем.

Вот за все это нам всем, россиянам, следует поклониться правительству молодых реформаторов, какие бы ошибки - действительные или мнимые, у них впоследствии ни обнаружались!

Освобождение цен было мерой чрезвычайно болезненной - как, собственно, и предполагалось. В книге «Экономика переходного периода» приводятся очень важные сведения об эволюции общественного мнения. Оказывается, на рубеже 1991-92 годов, несмотря на готовность к экономическим реформам «вообще», большинство россиян либерализацию цен не одобряли и испытывали желание вернуться к регулируемым ценам. Возможно, многие и не связывали в своем сознании рыночные отношения со свободными ценами. Еще в 1990-1991 гг., когда обсуждался выбор между свободными ценами и карточным снабжением, только 6% предпочитали свободную торговлю, а около 60% - карточки. «Общественное сознание хорошо усвоило советский урок, более всего опасаясь повышения цен». Практически только одна общественная группа - предприниматели - с самого начала высказала положительное отношение к освобождению цен, позднее к ним присоединились фермеры и управленцы. Во всех остальных группах число противников свободных цен было как минимум в два раза больше, чем сторонников. И в дальнейшем, когда проблема товарного дефицита была в основном решена, население все равно в целом отрицательно относилось к свободным ценам, не признавая, по-видимому, связи между этими двумя явлениями: свободными ценами и полными прилавками. Более того, читаем: «В целом можно сказать, что либерализация цен была крайне непопулярным шагом. Фактически, после нее рухнула вся былая готовность идти к рынку. Из привлекательной перспективы, противоположной социалистической

действительности, рынок превратился в жестокую реальность, которая не имела ничего общего с мечтой»².

Рост антирыночных настроений, причиной которого была либерализация цен, серьезно сказался на всей последующей политической и экономической жизни страны. С этим нельзя не считаться, когда мы теперь пытаемся оценить ход и достигнутые на сегодняшний день результаты реформ в России, перипетии ее трудного пути.

2 января 1992 года в «Известиях» было опубликовано интервью, озаглавленное: «Будущее принесет нам новые цены и забытые товары, - считает Егор Гайдар». Один из вопросов газеты был такой: Каковы ваши прогнозы на ближайшее будущее, что нас ждет?

Е. Гайдар ответил:

«По наиболее благоприятному сценарию рост цен в январе-феврале составит примерно 100 процентов в месяц. За первые три месяца мы ожидаем трехкратного повышения цен. Резко возрастет спрос на деньги, и к февралю начинается стабилизация на потребительском рынке. К марту-апрелю должно наступить замедление темпов роста цен до 10-12 процентов и одновременно упадут темпы роста доходов. Будут отпущены цены еще на некоторые товары, по которым сохраняется государственное регулирование... К концу года темпы роста цен замедлятся до нескольких процентов, курс рубля стабилизируется, возникнут объективные предпосылки для притока иностранных инвестиций.

- А что говорят иные сценарии? - допытывается корреспондент

- На развитие событий может оказать влияние политическая ситуация. Например, жесткие требования по увеличению компенсаций (речь идет о компенсации роста цен увеличением заработных плат и пенсий - Л.Л.). Темпы роста зарплаты приближаются к темпам роста цен. В итоге инфляция «зашкаливает» за 50 процентов в месяц, экономика функционирует в

² Экономика переходного периода. 1991-97. С. 943

бартерном режиме, так как при такой инфляции деньги теряют смысл, и мы выходим на новый, более тяжелый виток проблем...

К сожалению, если не считать первых двух-трех месяцев, сбился не «наиболее благоприятный сценарий», а, можно сказать, наихудший: получилось примерно так, как предсказывал Гайдар во втором «сценарии».

Так может быть, прав был ярый критик «гайдаровских» реформ академик Олег Богомолов? Ссылаясь на расчеты своих коллег, он однажды так процитировал одного из них: «Когда команда Ельцина-Гайдара готовила шоковый удар по России, Е.Гайдар обещал повышение цен в несколько раз, которое вскоре сменится стабилизацией и экономическим ростом. Но академик А.Петров, владеющий развитой системой математических моделей российской экономики. «проиграл» гайдаровский вариант. В результате вышло повышение цен в 4 – 5 тысяч раз. Тогда я думал, что Гайдар плохо считает. Теперь понимаю: он просто ничего не считал, ибо не умеет этого делать».³

Тут следует напомнить, что 50-процентная месячная инфляция, о которой говорил Гайдар, излагая второй сценарий, в расчете на год даже больше результата модельного расчета А.Петрова (не 4 – 5, а 12 тысяч раз). Более того, экономисты считают именно эти 50% рубежом, с которого экономика обычно срывается в разрушительную гиперинфляцию, то есть в рост цен не в тысячи раз, а порой в миллионы раз! Чего, к счастью все-таки не произошло. Так что расхожий миф о несостоятельных прогнозах Гайдара, повторяемый академиком Богомоловым, так мифом и останется. А судить о том, кто умеет и кто не умеет считать, предоставим читателю...

³ Богомолов О. ШОКОВЫЕ ТЕРАПЕВТЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ – ОТ ГАЙДАРА ДО... (Новая газета). Источник – интернет-сайт «Критика российских реформ отечественными и зарубежными экономистами»

И все же очень важно разобраться, почему оправдался не первый, а второй сценарий Гайдара. Собственно, ответ на этот вопрос - ключ к пониманию всего того, что происходило в нашей стране за прошедшие очень трудные полтора десятка лет.

1.2 «Монетаризм» в действии

Как и предсказывал Гайдар, на развитии событий сказалась политическая ситуация. Если исполнительная власть после августовских событий попала в руки демократических, реформаторских сил, то в депутатском корпусе, избранном в советских условиях, их влияние было значительно слабее. Правда, раздавались предложения о досрочных парламентских выборах, но взвесив все «за» и «против», команда Ельцина их отвергла. По моему личному мнению, это все же была ошибка: многое могло бы пойти совсем иными путями...

Между тем, парламент, то есть (согласно действовавшей тогда Конституции РСФСР) Съезд народных депутатов и выделяемый из его состава Верховный Совет, определял все аспекты политики и в том числе - политики экономической. В его руках оставался Бюджет государства, ему подчинялся Центральный банк России - святая святых экономики.

Более того, руководство Верховного Совета вмешивалось даже в решение текущих вопросов денежного регулирования, что совершенно несвойственно парламентам. К чему это приводило? Вот один пример из многих, очень показательный, хотя и курьезный. Среди многочисленных кризисов, постигших Россию за последние годы, как немногие уже помнят, был так называемый *кризис наличности* в начале 1992 года.⁴ А история его

⁴ Напомню: предприятия и учреждения имевшие на своих счетах средства для выплаты заработной платы, на самом деле не могли это сделать: у них в кассах, да и в банках не было наличных денег. Это, естественно, вызывало массовое недовольство. Дело порою доходило до того, что когда президент Ельцин отправлялся в какой-нибудь регион, его самолет сопровождал другой, загруженный... пачками денежных купюр.

такова: еще загодя, предвидя неизбежный рост потребности в наличных деньгах после освобождения цен, правительство поручило Гознаку отпечатать некоторое количество крупных (пятисотрублевых) купюр - но руководство Верховного Совета *запретило это делать*. Объяснение было, с точки зрения любого грамотного экономиста, поразительно нелепым: якобы «печатание наличных денег ускорит инфляцию». Как говорится, слышали звон, да не знают, где он: спутали технический процесс печатания денежных купюр с метафорой «печатание денег», которая означает эмиссию, увеличение денежной массы в обращении! (Для чего, собственно, печатание купюр и не обязательно, можно просто «нарисовать» цифры с нулями в соответствующих документах банка - и это будет эмиссией).

Это далеко не единственное проявление экономической неграмотности депутатов, да и не только депутатов: даже многие ученые-экономисты, не говоря уже о промышленных руководителях, не имели понятия о том, что такое, например, структурная перестройка экономики (которая на самом деле была одной из основных целей реформы), или макро- и микроэкономика, или эластичность цен, маркетинг, взаимоотношение реальной и номинальной денежной массы, оптимальность по Парето и так далее, и тому подобное. Они изучали в институтах марксистскую политэкономия, а представление о современной экономической науке получали из присно памятного курса «Критика буржуазных экономических учений» - представление не только неполное, но предельно искаженное. Об этой неграмотности позднее в удивлении писали западные экономисты, приезжавшие в Москву для работы в качестве советников правительства.

Наши политики и экономисты подменяли современный экономический анализ банальностями типа призывов к «прагматизму» в политике правительства. Застывшее за советские годы «вечно живое» марксистское учение, причем в его вульгаризированной форме, сковывало творческую мысль; советские экономисты (за ничтожными исключениями) просто

прозевали бурное развитие экономического знания в капиталистических странах, где зарождались, конкурировали между собой и сменяли друг друга многочисленные научные концепции и течения. Презрительное отношение к современным научным теориям на заре реформ в России было, я бы сказал, чем-то вроде моды - реформаторов, читавших труды иностранных авторов в оригинале, порой высмеивали и осуждали именно за это.

Финансово-денежная сфера оказалась, как говорилось выше, в центре внимания реформаторов. Почему? Многие оппоненты в полемическом раже объясняли это очень просто: нахватавшись верхов западной экономической теории и особенно такого ее направления, как монетаризм, начитавшись об опыте финансовой стабилизации экономики в некоторых западных странах, эти «шибко грамотные умники» не нашли ничего лучшего, как перенести чужой опыт на российскую самобытную почву. Или еще. Вместо того, чтобы сосредоточиться (как рекомендовала программа «500 дней») на приватизации, демонополизации и формировании рыночных структур, они по примеру и наущению западных монетаристов, ради пресловутой макроэкономической финансовой стабилизации, занялись безоглядным ужесточением денежной и финансовой политики. Вот отсюда, мол, и все беды.

Легче всего было бы ответить тем, что экономика повсюду, хоть в Африке, хоть в Америке, хоть в России, подчиняется одним законам и здесь самобытность ни при чем. Это был бы правильный, но не полный ответ.

На самом деле реформаторы учли тот факт, что в отличие от приватизации и других перечисленных элементов реформирования экономики, *только финансовая стабилизация может быть достигнута в короткие сроки* (а обстановка, как мы помним, делала «промедление смерти подобным»!). Для этого, считали они, нужны лишь политическая воля властей и профессионализм исполнителей. *Практика последующих лет показала, к сожалению, что как раз политической воли у реформаторской*

(исполнительной) власти часто бывало недостаточно для преодоления политической воли ее оппонентов (сосредоточенных в законодательной власти).

Финансовая стабилизация - основа и главное средство экономической стабилизации, в которой нуждается любая страна, вошедшая по тем или иным причинам в полосу экономических потрясений: падения производства, роста безработицы, инфляции. Финансовая стабилизация это прежде всего укрощение инфляции, для чего применяются такие меры, как введение в стране устойчивой свободно конвертируемой валюты и достижение сбалансированности государственного бюджета (забегая вперед, стоит отметить, что именно последнее оказалось камнем преткновения на пути российских реформ).

Почему так важна финансовая стабилизация? Потому, во-первых, что сохранение высокой инфляции делает невыгодными инвестиции в производство, а это наглухо перекрывает перспективу возобновления экономического роста.

Это легко понять. При инфляции хотя бы в 8% в месяц, то есть более 120% в год (а как мы знаем, такая ситуация продолжалась в России примерно восемь лет подряд, это сейчас мы слышим разговоры о тех же восьми процентах, но не в месяц, а за год!) банки вынуждены устанавливать такие проценты за свои кредиты, которые иначе как “грабительскими” не назовешь. Но иначе им нет смысла заниматься своим бизнесом. И предприятия такие кредиты брать не могут. А значит, не могут развивать производство, строить, осваивать новые технологии. Опыт многих стран показывает, что только тогда, когда инфляция доводится хотя бы до 20 - 30% в год - только при этом условии! - возобновляется экономический рост, начинается повышение жизненного уровня народа. Так произошло во всех тех бывших социалистических странах, которые в отличие от России провели

реформы более решительно, добились финансовой стабилизации и очень скоро вышли на первые места в Европе по темпам экономического роста.

Потому, во-вторых, что инфляция непосредственно снижает жизненный уровень населения, обрушивая на него так называемый инфляционный налог (или «сеньораж», этот термин пришел к нам из глубины веков). Он представляет собой потери реальных доходов населения, поскольку имеющиеся у него деньги по мере роста цен теряют свою стоимость (на ту же сумму можно купить меньше товаров). Первопричиной роста инфляции, а следовательно и инфляционного налога, является, как правило, *дефицит государственного бюджета*, покрываемый путем эмиссии, то есть уже упомянутого «печатания» денег. «Это такая форма налогообложения, ускользнуть от которой наиболее трудно» - писал великий английский экономист Дж.М.Кейнс. И правительство, считал он, может жить за счет такого налога в течение длительного времени. Однако опасность состоит в том, что на определенном этапе ускоренная инфляция начинает «съедать» и доходы от него. Требуется еще и еще увеличивать количество денег, и это ведет к гиперинфляции - не менее разрушительному явлению в экономике, чем катастрофические землетрясения - в природе.

Впрочем, здесь надо остановиться. Давайте разберемся, *что же такое инфляция*. Откуда она берется, каков механизм ее действия? Вокруг этих вопросов в 1992 году разворачивались ожесточенные полемические баталии – как среди экономистов, так и особенно среди политиков.

Грозное слово - инфляция сегодня знает у нас, пожалуй, каждый. Впрочем, сама по себе она не содержит ничего особо грозного. Экономисты определяют ее как процесс общего роста цен, приводящего к снижению покупательной способности номинальной денежной единицы - только и всего. Скорость процесса может быть различной, причем один из знатоков в этом вопросе, лауреат Нобелевской премии

по экономике П.Самуэльсон как-то даже сделал вывод, что легкая инфляция - нечто вроде смазочного масла для экономического механизма. В некоторых ситуациях тонко управляемая инфляция может служить регулятором экономики, например, эффективным средством приведения масштаба цен к среднему мировому уровню, что необходимо для развития внешней торговли.

Нормальная инфляция - это когда цены растут, скажем, на 5-6% год или меньше. Но вот если на столько же или даже больше процентов в неделю? Тогда дело приобретает действительно грозный оборот. Не верьте старым советским учебникам, утверждавшим, будто при социалистическом плановом хозяйстве инфляции не бывает. Еще как бывает! Только в скрытой, подавленной форме, когда официальные цены остаются неизменными, а товары исчезают с прилавков и совсем по иным ценам продаются из-под полы. С либерализацией ценообразования инфляция вырывается на волю. И этого джинна загнать обратно в бутылку очень трудно. В России 1992 - 1993 года ситуация была такова, что инфляция в любой момент, при любом неосторожном повороте экономической и финансово-кредитной политики могла сорваться в гиперинфляцию, которая знакома советским людям старшего поколения по событиям в стране начала двадцатых годов (когда зарплату выдавали мешками и была в ходу такая песенка: «Забегаю я в буфет, ни гроша в кармане нет – разменяйте десять миллионов!»).

Только после обуздания инфляции и предотвращения тем самым гиперинфляции можно было всерьез рассчитывать на подъем производства и его структурную перестройку, на успех начатой экономической реформы, на возрождение страны.

Так быстро, как рассчитывали, покончить с инфляцией, то есть добиться финансовой стабилизации в стране, правительству не

удавалось. Помимо названных факторов, этому мешали глубинные процессы, происходившие в экономике, в том числе даже психологические.

Освобождение цен 2 января было не реформой, как утверждали оппоненты гайдаровской команды, а лишь сигналом, так сказать, свистком к отправлению поезда. И он, после первого толчка, пошел тихо-тихо, преодолевая инерцию. Мы, простые потребители, этого не понимали: цены выросли сразу так круто, что ни о каком «тихо-тихо» нечего было, казалось, говорить. Для нас это был действительно «шок»! Другое дело - заполнение магазинов: этот процесс пошел очень постепенно, но все же заметно. Это сегодня мы забыли, как выглядели, скажем, магазины в 1993, 1994 годах - теперь нам порою кажется, что они с самого начала были такими, как сейчас.

Но лишь небольшую видимую часть айсберга составляют магазины, ателье, товары, розничные цены - словом все то, что непосредственно относится к нам, потребителям. Совсем другое дело - то, что происходит в толще айсберга. Эта толща - общественное производство.

Монополизированное сверх меры российское производство отреагировало на либерализацию цен, к сожалению, не совсем так, как прогнозировали реформаторы. Предприятия, поднявшие сразу до небес свои отпускные цены, вовсе не оказались на седьмом небе - отнюдь! Потребители от их продукции стали отказываться, началось затоваривание. По инерции производители продолжали поступать точно так, как поступали семь десятилетий подряд: отгружали продукцию, ничуть не заботясь о том, ждут ли и, главное, оплатят ли ее потребители. Возникла *проблема неплатежей*, которая несколько лет терзала российскую экономику (к ней мы еще вернемся). Правда, либерализация внешней торговли в принципе позволяла потребителям выбирать: если продукция не устраивала их по качеству и цене, они

могли обратиться к зарубежному поставщику – так в определенной степени компенсировался фактор монополизма. Но это требовало, конечно, приближения цен к мировым, валюты для расчетов и, кроме того, коренного изменения коммерческой деятельности предприятий, создания новых служб - маркетинга, менеджмента, управления финансами, рекламы, связей с общественностью (пресловутый PR - «Пи ар»!), а также переобучения управленческих кадров и многого другого.

И тем не менее, руководители предприятий видели выход из своих трудностей только в одном: в повышении отпускных цен. Происходила цепная реакция: чем выше были цены на сырье, энергию и другие первичные ресурсы, тем, естественно, были выше цены на продукцию, при изготовлении которых они использовались - в том числе и на те машины, оборудование и другие изделия, которые, в свою очередь, использовали добытчики сырья и энергии. Их издержки росли, и чтобы выжить, они поднимали свои цены еще выше. Круг замыкался... Это называется инфляцией издержек. Некоторые экономисты доказывали, что она-то и является чуть ли не единственной причиной инфляции в России. Собственно, на этом теоретическом основании они строили свои рекомендации о том, что для стабилизации экономики необходимо административное ограничение цен.

Действительно, инфляция издержек имеет значение. Но, во-первых, из всего, что написано выше, видно: это все же не единственная и не решающая причина инфляции.

Рассмотрим чуть подробнее один пример. В «Известиях» от 9 сентября 2005 года говорилось, что «...цены на энергоносители определяли инфляцию в первом полугодии, а теперь куда важнее стал избыток денег в экономике».

Это пример непонимания механизма инфляции. На самом деле, повышение цен на один вид такого абсолютно необходимого

(экономисты его называют неэластичным по цене) товара, как энергия или услуги ЖКХ, может не привести к инфляции. Дело в том, что *при данном количестве денег* у населения это просто сократит платежеспособный спрос на другие товары (на них людям придется экономить, чтобы оплатить обязательные расходы), и в результате цены на эти товары снизятся. Но если добавить денег в экономику, то спрос не сократится и инфляция усилится. А это говорит, что и при росте издержек инфляция зависит от изменений денежной массы, то есть от того, что называется монетарными факторами.

Есть к тому же и родственное понятие: инфляция спроса - стремление продавцов, когда спрос превышает предложение, повышать цены на продаваемые ими товары. Есть и такой, очень важный фактор инфляции, как оплата труда, не дающего немедленной отдачи в виде оплачиваемых товаров и услуг (например, труда в строительстве или производстве вооружений): такие выплаты создают превышение спроса на рынке над предложением, а значит – приводят к росту цен. Есть и такие ситуации, когда заработная плата работников той или иной отрасли или производства, повысивших производительность, оправданно повышается, но затем, «по аналогии», повышают зарплату и в тех отраслях, где подобного роста эффективности не наблюдалось. Есть также некоторые другие, не менее убедительные, на первый взгляд, объяснения инфляции.

Однако в целом, как доказывают экономисты монетаристского направления, *высокая инфляция это прежде всего денежное явление и ее динамика определяется изменением количества денег в экономике, а не перечисленными, пусть даже важными причинами, лежащими в области производства, психологии и т.п.* Соответственно, основные меры для снижения темпа инфляции (их называют антиинфляционными или дефляционными мерами) лежат в денежной сфере. Это прежде всего

сокращение дефицита государственного бюджета. Дефицит бюджета - главный источник инфляции (поскольку - повторим – для его покрытия требуется эмиссия «пустых» денег). Это, далее, ограничение эмиссии, продажа ценных бумаг, повышение процентных ставок в сберегательных банках, вплоть до проведения денежных реформ, которые обычно повышают уверенность населения в стабильном будущем, то есть снимают так называемые *инфляционные ожидания*, заставляющие людей как можно скорее тратить свои деньги (у экономистов это называется «*бегством от денег*»), тем самым ускоряя оборот денег и усиливая инфляцию.

Но вернемся в 1992 год. В условиях паралича прежних нерыночных механизмов невозможно было выйти из положения без финансовой стабилизации. Невозможно было создать новые, теперь уже рыночные механизмы обращения товаров и других ресурсов. Невозможно было и переключить предпринимательскую активность из спекулятивной в производственную сферу, привлечь в нее как отечественные, так и зарубежные инвестиции.

Теперь, надеюсь, читателю понятно, почему первое, чем занялось новое правительство, приступая к реформам, было резкое сокращение бюджетного дефицита, который, как уже говорилось, к концу 1991 года достиг заоблачных высот.

Дефицит бюджета может сокращаться с двух сторон: увеличением доходов и сокращением расходов государства. Так как первое в то время было практически невозможно, оставался второй путь: прежде всего, резкое урезание военных расходов, ценовых субсидий, дотаций предприятиям, а также трансфертов (безвозмездных передач денег) в бывшие союзные республики. Необходимо было, конечно, подумать и о доходах. Чтобы сохранить их в условиях инфляции, следовало, как показывает мировой опыт,

заменить некоторые налоги на более пригодные к этим условиям - так появился налог на добавленную стоимость (вместо налога с оборота и налога с продаж) Предполагалось также ввести налог на экспорт энергоносителей при отмене системы его лицензирования и квотирования.

Итак, сокращению были подвергнуты государственные расходы. В частности, ассигнования на закупку вооружений сокращались в 7,5 раза (соответственно, была разработана и принята широкая программа конверсии военных предприятий – к ней мы еще вернемся), централизованные капиталовложения - в 1,5 раза, ценовые дотации - почти в 3 раза, практически полностью прекращалось безвозмездное финансирование иностранных государств (за исключением стран СНГ).

Бюджетный дефицит в целом должен был сократиться не менее чем в три раза. На практике он сократился вначале даже больше, а *бюджет первого квартала и вовсе стал практически бездефицитным* - впервые за многие десятилетия (известно, что разговоры о «бездефицитности» советских бюджетов на поверку оказались чистой липой!)

Пошли было на лад не только бюджетные дела. *События в первом квартале в целом подтверждали прогнозы реформаторов.* Выдерживалась относительно жесткая бюджетная политика, свертывались намеченные к конверсии военные производства. Январская инфляционная вспышка повысила индекс потребительских цен сразу более чем в три с половиной раза, но дальше темп их роста начал затухать, в целом среднемесячный рост потребительских цен в первом квартале составил 80,3%, а уже во втором квартале - 13,8% . Товарные запасы в розничной, оптовой торговле и промышленности, съезжившиеся к январю до 45% по отношению к декабрю 1990 года, неуклонно росли вплоть до июня (75%). Появились даже признаки промышленного роста в некоторых отраслях.

Что важно - повышался реальный курс рубля, и более того, правительству удалось выполнить важную задачу: подготовить денежную систему к

введению *внутренней конвертируемости рубля*⁵. Это событие состоялось 1 июля 1992 года. Его значение очень велико. Был введен единый плавающий курс рубля по отношению к доллару вместо множества курсов (они насчитывались сотнями) для разных внешнеторговых операций (разных экспортируемых и импортируемых товаров) – которые искажали ценовые пропорции в экономике, что приводило к плохо контролируемому перераспределению ресурсов между секторами, а в ряде случаев и просто к коррупции. Впервые население страны свободно, не боясь уголовного преследования, могло хранить валюту, менять ее на рубли и обратно - как в подавляющем большинстве стран мира. Это было первым шагом на долгом пути к превращению рубля в свободно конвертируемую валюту, которую бы уважали и принимали повсюду. Как известно, это превращение должно состояться в 2007 году.

Перечисляя все это, не можешь отделаться от мысли: как же много было свершено за такой короткий срок! Конечно, нам всем было нелегко, пришлось, как говорится, подтянуть пояса: сокращение военных расходов закрыло сотни предприятий и сделало безработными сотни тысяч людей, инфляция съела прежние сбережения и снизила текущие реальные доходы. Если бы выдержать еще столько же, ну, может быть несколько больше времени, то, наверное, история реформ в России была бы совсем не такой, какой мы ее знаем. Во всяком случае, более похожей на то, что произошло в Польше, Эстонии и других странах, где «шоковая» терапия была доведена до конца...

Тут следует отметить, что для начального периода реформ было характерно парадоксальное соединение двух явлений: нетерпения одних и терпения других. Поразительную стойкость проявили массы трудящихся,

⁵ Внутренняя конвертируемость рубля дает возможность резидентам (т.е. жителям и фирмам страны) покупать и продавать иностранную валюту за рубли.

которые более всего страдали от роста цен и от безработицы. На громадной территории России, например, были лишь единичные малолюдные митинги и, к счастью, не разразились крупные народные волнения, которые предсказывались (а, может быть, и готовились) оракулами из лагеря антиреформаторских сил.

И наоборот, нетерпение, поспешность проявили многие экономисты и политики, которые вообще-то должны знать, как сложно развиваются экономические процессы, безусловно, слышали о таком хрестоматийном явлении, как *инерционность экономических систем*. Попросту говоря, это означает, что в экономике любые процессы идут постепенно, и нельзя ждать немедленных результатов от принимаемых решений, какими бы революционными они ни были. Тем более - в экономике такой огромной страны как Россия .

Первые обнадеживающие сдвиги давались правительству нелегко. Его работа была невыносимо напряженной, каждый день принимались решения - одни, как говорится , судьбоносные - на перспективу, другие - текущие, порой мелкие. Многого надо было начинать заново, как бы на пустом месте: когда это при социализме могли существовать организации, ведающие конкуренцией и борьбой с монополизмом, или службы занятости? А без них рынок просто существовать не может, их надо было создавать, причем на пустом месте, без подготовленных кадров. Или: как поступать с многочисленными отраслевыми министерствами - теперь они явно не были нужны предприятиям? Или с каким-нибудь комитетом цен, который никак не вписывался в новую систему? Все это - постоянная головная боль, постоянные заботы правительства реформаторов.

Надо себе представить, в каких условиях работало это правительство! Уже с первых шагов противники реформ не только предрекали их неизбежный провал, и не только препятствовали их проведению, но и торопились кричать на всех углах, что провал этот уже состоялся.

Некоторые корреспонденты, пробежавшись второго января по московским магазинам и увидев там по-прежнему полупустые полки, только с поменявшимися ценниками, в панике закричали: все пропало, реформа не удалась! Они ведь не могли тогда знать, как *сегодня* будут выглядеть сверкающие прилавки столичных и провинциальных магазинов, супермаркетов и гипермаркетов.

Более того, не прошло и двух недель, как председатель Верховного Совета Р.Хасбулатов заявил, что уже настало время отстранить от власти «практически недееспособное правительство». Подумать только: это говорит не представитель оппозиционной партии или фракции в парламенте (такое всегда бывало и, очевидно, всегда будет) и не какой-нибудь горлопан на митинге, но сам глава парламента. Работать с приставленным в виску пистолетом! Стресс не помогает принимать взвешенные решения, он только множит ошибки - это ясно каждому. (Тут в скобках уместно заметить, что Хасбулатов, как известно, доктор экономических наук. Не верится, что и он не знал о таком свойстве экономической системы, как инерционность. Знал, конечно, но поспешность его суждения была только чисто политическим ходом, истина же его, по-видимому, не беспокоила).

1.3. Взгляд в будущее

Параллельно с напряженной работой по реализации первоочередных задач, правительство - его аналитические подразделения с помощью ряда исследовательских учреждений - готовило развернутый стратегический план дальнейших действий. Он назывался *Программой углубления экономических реформ* или проще – Среднесрочной программой. Работа над ней была завершена в мае – июне 1992 года. Мне, тогда члену редколлегии газеты «Деловой мир», довелось готовить ее к публикации, почему у меня и сохранился этот документ - незаслуженно забытый, но очень важный для

понимания истории российских реформ. Прошу у читателей извинения за обильное цитирование.

Прежде всего, там написано:

« В своей деятельности Правительство исходит из абсолютного приоритета неразрывной триады: эффективная экономика – свободная личность – великая Россия. Гарантия этого - ... последовательные, решительные и глубоко продуманные реформы».

Это – кредо. Кредо подлинных патриотов, а не тех профессиональных «патриотов», которые на протяжении последних 15 лет подкладывали палки в колеса реформированию экономики и тем самым вредили становлению великой России. В Программе предполагалось, что реформы будут проходить в три этапа: кризисное развитие, восстановление народного хозяйства и экономический подъем. (Заметьте: в конечном счете, так и произошло). По каждому этапу предусматривались главные приоритеты, четкие критерии завершения, ключевые проблемы и разные варианты действий в зависимости от того, как будут складываться обстоятельства.

Читаем:

«Этап I – кризисное развитие.

Главным приоритетом экономической политики государства на этом этапе являются – либерализация и финансовая стабилизация.

Критерии завершения: доля регулируемых цен не более 2-3 % от объема ВВП, доля государственных закупок – не более 20 % ВВП, устойчивая сбалансированность государственного бюджета (дефицит не более 3 % ВВП, покрываемый за счет экономически оправданных источников); темп инфляции – не более 3 – 5 % в месяц; введение конвертируемости рубля по текущим операциям, поддержание его стабильного курса, прекращение спада производства.

Этап II – восстановление народного хозяйства.

Главным приоритетами на этом этапе являются институциональные изменения, направленные на создание условий для развития предпринимательства и конкуренции.

Критерии завершения: доля госсектора в производстве не более 40 %, в том числе в торговле - не более 10 %; доля кредитов, выдаваемых частным предпринимателям и фирмам, не менее 70 %, доля частных инвестиций в фонде накопления – не менее 70 %, оживление производственной активности, достижение докризисного уровня ВВП.

Этап III – экономический подъем.

Главным приоритетом на этом этапе является реконструкция экономики.

Критерии завершения: темп экономического роста - не менее 3-4 % в год опережающий рост экспорта продукции высокой степени переработки⁶; устойчивое активное сальдо платежного баланса, норма накопления в ВВП – не менее 15 %.

В основу всего были положены либерализация экономики и финансовая стабилизация, институциональные изменения

⁶ Не могу не сделать здесь актуальное примечание – хоть и частное, но существенное. В «Известиях» от 20 июня 2005 была опубликована статья члена Совета по экономической и внешней политике В.Шлыкова, где, помимо прочего, был следующий выпад: *«Возглавившие российские реформы в начале 90-х годов сторонники сырьевой ориентации страны ... выпустили из бутылки сырьевого джина»*... Тут что ни слово, то ложь.

Что за «сторонники сырьевой ориентации страны»? Не было и не могло их быть среди тех, кто «возглавлял реформы». Как раз наоборот! Откройте любой статистический справочник и увидите, что только экспорт нефти и газа в 1984 году составил 54,5%, в 1985 году – 52,8% общего экспорта. Плюс к этому вывозился уголь, руды и другое сырье. Сравните: в России в 2003 г. и в 2004 годах сопоставимые цифры составили около 56- 57%. То есть, если сделать корректировку на рост нефтяных цен, «сырьевая ориентация экспорта» в СССР на самом деле была не меньше, а даже больше, чем в России в последние годы. И «сырьевой джинн» был выпущен давным-давно! Именно обеспокоенные таким обстоятельством, придя к власти, эти якобы «сторонники сырьевой ориентации» в качестве одной из своих основных задач записали в Концепции среднесрочной программы правительства (май 1992 года), на странице 26, дословно следующее:

« - диверсификация экспортного потенциала, развитие конкурентных на мировом рынке производств...».

В самой же Программе, как мы видели, давалось уточнение этого тезиса: на этапе выхода из кризиса предполагался «опережающий рост экспорта продукции высокой степени обработки» («Программа углубления экономических реформ», стр. 30). Яснее не скажешь! Иное дело, что

(приватизация, изменения системы управления и хозяйственного законодательства), структурная политика; большое внимание уделялось социальной политике. Для первого этапа ключевой проблемой признавалась инфляция, для второго этапа - усиление хозяйственных мотиваций и их ориентация на производство, создание активного предпринимательства и слоя эффективных собственников, для третьего этапа – проблема инвестиций. В Программе были подробно расписаны мероприятия, необходимые для решения этих проблем (при разных вариантах реального хода событий), а также денежные и финансовые пропорции, изменения в структуре цен, изменения в системе налогообложения и государственных расходов и многое другое

Хочется сказать: какими же они были наивными, эти энтузиасты и идеалисты начала девяностых годов! Они, конечно, понимали (об этом и в тексте Программы было сказано), что их планы встретят сопротивление, что будут трудности – но чтобы сопротивление было такое ожесточенное и трудности столь велики - этого они явно себе представить не могли. Заглядывая, как им казалось, в далекую даль, они говорили об «...импульсе к экономическому росту, заметные признаки которого должны начать сказываться уже в 1996 году». В 1996-м! И далее:

«В этом году Россия уже должна иметь качественно иную экономику:

- демилитаризованную;
- социально ориентированную, работающую на нужды людей;
- открытую;
- с сильным частным сектором, окрепшим предпринимательством;

преемники гайдаровского правительства до сих пор не сумели реализовать это намерение (если не считать торговли оружием – но это совсем другая тема).

- с работниками, усвоившими новые нормы трудовых отношений;
- с развитой системой социального партнерства;
- с социальным обеспечением, способным поддержать тех, кто в нем действительно нуждается, и вместе с тем соответствующим экономическим возможностям страны;
- с государством, взимающим умеренные налоги и экономно расходующим средства налогоплательщиков.

Эта экономика еще не обеспечит гражданам России высокого достатка. *Но в ней уже будет заложен потенциал роста и будущего процветания*». (Курсив мой – Л.Л.)

Что касается самой Программы углубления экономических реформ, то ее судьба сложилась, можно сказать, трагически. Предполагалось, что она будет принята не только правительством, но и Верховным Советом и потому в газете «Деловой мир» была опубликована лишь как Проект. Руки у Верховного Совета, по причинам, которые легко понять из нашего дальнейшего рассказа, до утверждения этого документа не дошли. А менее чем через полгода Правительство было отправлено в отставку, и Программа канула в Лету...

Надо сказать, что это была не единственная Программа, - в тот период существовали и другие, обнародованные различными группами ученых и политиков, общественными организациями разного направления, в том числе прямолинейно антирыночного, завуалированно антирыночного (когда авторы клянутся в верности курсу реформ, но в конкретных предлагаемых мерах далеко отходят от него), и рыночные по своему существу, но понимающие рынок и пути его построения по-иному, нежели «команда Гайдара». Если что и объединяет столь разношерстную публику, так это две вещи:

Во-первых, резко отрицательное, враждебное отношение к курсу действовавшего на тот момент времени Правительства Российской Федерации и Президента Ельцина, причем, как правило, авторы (даже

солидные и вполне интеллигентные ученые) не очень сдерживают себя при выборе ругательных выражений («бестолковая экономическая политика» – это самый деликатный отзыв о политике Правительства великой страны, встречаются характеристики и похуже: «распродажа Родины», «жидомасонский заговор» и тому подобное). Чрезмерная политизированность, на мой личный взгляд, портила даже серьезные научные разработки, выходявшие в то время из-под пера некоторых сотрудников академических институтов. В них порой можно было найти толковые, обоснованные конкретные рекомендации, вполне вписывавшиеся и в политику действующего правительства. Но я могу понять тех его сотрудников, которые, прочитав во вводной части серию ругательств по своему адресу, откладывали такую программу в сторону...

Во-вторых, абсолютно одинаковые и вполне очевидные (как говорится, хорошо быть молодым и здоровым!) *цели* предлагаемого экономического развития: достижение высокого уровня и качества жизни населения, обеспечение устойчивых и высоких темпов экономического роста, укрепление суверенитета и обороноспособности страны, развитие человеческого потенциала и гармонизация социальных отношений и так далее, и тому подобное. Как будто бы кто-нибудь был против всего этого?

В Программе углубления экономических реформ такого перечисления нет, но все предусмотренные в ней меры, последовательность практических действий и конкретные расчеты, конечно же, направлены на достижение всех этих и других подобных целей. Но вот что хуже: многие оппоненты в своем политизированном анализе не гнушаются искажать принципы, убеждения и действительные цели реформаторов, стремясь вызвать отрицательное отношение к ним в разных слоях населения.

Вот как это делалось. Вчитаемся в следующий вполне научный и, казалось бы, логичный текст:

«Экономическая политика с 1992 г. формируется под определяющим влиянием *ложной дилеммы* : либо рыночная экономика, либо государственное регулирование.» (Доклад «Основные направления экономической политики государства», 1994 год, курсив авторов – ученых Отделения экономики РАН).

Но эта дилемма не просто ложная! Она надуманная, вернее – придуманная авторами!

На самом деле она могла звучать иначе: *либо рыночная экономика, либо система централизованного планирования и управления народным хозяйством*. Чувствуете разницу?⁷ Что же касается средств и методов государственного регулирования экономики, то они нисколько и никогда не отрицались и не игнорировались реформаторами. Достаточно перечитать ту же Программу углубления экономических реформ, чтобы убедиться в этом.

В Концепции программы говорится четко: «...либерализация экономики означает ограничение возможностей вмешательства государства в процессы ее функционирования. Ставка делается на саморегулирование и самоорганизацию. Правительство имеющимися в его распоряжении средствами может лишь направлять естественно протекающие процессы, удерживая в определенных рамках их негативные последствия и ускоряя появление позитивных результатов»

Не устранение государства из экономики, а ограничение возможностей вмешательства, но и не «планирование и управление» по постановлениям ЦК КПСС, а способность «направлять естественно протекающие процессы» – все это и есть государственное регулирование экономики, как оно трактуется в любом современном учебнике по этой дисциплине. В Программе углубления реформ есть разделы: «Структурная политика», «Методы (обратите внимание!)

государственного регулирования регионального развития», «Промышленная политика», «Приоритетные проблемы» и многие другие, в которых развиваются эти принципиальные установки. Как видим, ничего похожего на дилемму, которой якобы руководствуются реформаторы, на самом деле здесь нет.

Как упоминалось, чрезмерная политизированность – порок процитированного доклада, как и иных подобных программных документов. Действительно, в них, наряду с инвективами и неприемлемыми предложениями, возвращающими нас в коммунистическое прошлое, есть, как сказано, и вполне приемлемые, полезные – эту бы энергию да в мирных целях ...

И вообще, в противостоянии реформаторов и антиреформаторских сил, возглавлявшихся жаждавшими реванша коммунистами, большинство видных деятелей академической экономической науки фактически оказались на стороне последних. Это трагедия для страны. Ведь поддержав реформы в целом, они, с их опытом и знаниями, могли бы помочь молодым коллегам, возложившим на себя тяжелое бремя практического реформирования экономики, избежать ошибок и просчетов (таких ошибок, конечно же, было немало). Но не захотели. Россия, как мы знаем, затянула реформы; они дороже, чем можно было, обошлись ее населению. Несомненно, что этому способствовало, среди прочих, и указанное обстоятельство

1.4. Двоевластие. Или как была сорвана «шоковая терапия»

Пользуясь ситуацией, Хасбулатов и руководимые им законодатели захватывали, присваивали себе все более широкие властные полномочия. Например, верный по существу принцип контроля представительной власти за государственными финансами был подменен принципом неограниченного вмешательства депутатов в процесс разработки и исполнения бюджета. Они

⁷ Если нет, советую перечитать Введение к этой книжке, разделы В.1 и В.2.

брали на себя даже пересмотр показателей бюджета на стадии его исполнения, иной раз принимая поправки, как тогда говорили, «с голоса», то есть без расчетов, тщательного взвешивания. *Был случай (в июне 1992 года), когда Верховный Совет России в течение нескольких минут проголосовал за удвоение расходов федерального бюджета.* Разумеется, без какого бы то ни было указания на источники доходов для покрытия неизбежного дефицита.

Порой возникала путаница, когда решения по одним и тем же вопросам могли принимать президент, премьер-министр и председатель Верховного Совета, причем решения эти, как нетрудно догадаться, не совпадали. Более того, органы государственного управления на местах часто получали указания, прямо противоречившие друг другу. Особенно пагубным было то, что противоречивые указания порой давались Правительством и Верховным Советом Центральному банку - о политике учетных ставок, денежной эмиссии и номинации денежных знаков, о взаимоотношениях с другими странами СНГ.

Надо добавить, что председатель Верховного Совета имел собственный (внебюджетный) стабилизационный фонд, средства из которого направлялись на поддержку произвольно выбранных им предприятий (а фактически на поддержку политически близких ему директоров).

В результате всего этого уже к середине 1992 года в стране вполне оформилась классическая ситуация двоевластия. Причем двоевластие было порождено как нечеткостью конституционных положений, так и самим фактом острой политической борьбы между президентом и большинством депутатского корпуса. Понятно, что более всего такая ситуация сказывалась на эффективности экономической политики, и конкретно - на возможности Правительства реализовать задачи макроэкономической стабилизации.

Еще 18 января Президент выступил в Верховном Совете с первым анализом хода экономической реформы. Он сказал: *«Реформа еще не стала необратимой, ее нетрудно сорвать. Но если мы потеряем несколько месяцев,*

то только усилим испытания нашего многострадального народа. И все равно рано или поздно вернемся на тот путь, которым идем сегодня».

Парламентарии не вняли предупреждению. В первых числах апреля, на VI Съезде народных депутатов, ими была предпринята первая весьма драматическая попытка срыва реформы. Только благодаря решительной позиции правительства, заявившего о своей готовности немедленно уйти в отставку, депутаты включили в постановление съезда пункт о поддержке курса на переход к рыночной экономике. С другой стороны, депутаты включили целый ряд пунктов, внешне проникнутых заботой о благе людей, поддержке производства и т.п., а по существу перечеркивавших жесткую финансовую и бюджетную политику, проводившуюся правительством.

Это дело обычное для так называемого популизма. Предлагается рост зарплаты, компенсация обесценивающихся из-за инфляции вкладов, сокращение налогов, денежная поддержка предприятий, не находящихся сбыта своей продукции, и так далее - кто скажет, что все это плохо, неблагородно? Но все это неминуемо увеличивает дефицит государственного бюджета, а значит, как уже объяснялось выше - раскручивает инфляцию. От нее всем, и в первую очередь «одаренным благородными решениями», станет только хуже. Вот вам и забота о благе народа!

У меня в архиве сохранилась справка об анализе постановления VI съезда народных депутатов «О ходе экономической реформы в Российской Федерации», подготовленная по свежим следам экономистами Рабочего центра экономических реформ при правительстве. В ней делается приблизительный (поскольку некоторые пункты постановления носят неконкретный характер) расчет бюджетного дефицита, которым грозил этот документ. Прогноз оказался на редкость точным. Цитирую: «Такой бюджетный дефицит приведет к ускоряющемуся росту цен. Инфляция к концу года по сравнению с нынешним уровнем может составить 300-400%, а

по сравнению с соответствующим периодом прошлого года 1600-2000%...»⁸ И далее: «Гиперинфляция уничтожит не только трудовые сбережения, но и всякие стимулы к производительному труду».

После VI съезда период «шоковой терапии» закончился. Если продолжить медицинскую аналогию, то уместно привести анекдот, придуманный, если не ошибаюсь, известным предпринимателем К.Бендукидзе: чтобы долго не мучаться, принимая лекарства, хронический больной предпочел лечь на операцию; только ему вскрыли живот, он вскакивает с операционного стола и кричит: мне больно, хочу лекарственной, щадящей терапии!

Правительству пришлось пойти на компромисс. Оно смягчило прежде довольно жесткую денежную политику. Было сменено руководство Центрального Банка России. Усилилось давление на правительство и президента с требованиями усиления финансовой поддержки предприятий, испытывавших естественные для переходного периода трудности – и правительство начало поддаваться этому давлению. С мая по август 1992 года было принято около двух десятков Законов Российской Федерации, Указов Президента и Постановлений правительства о дополнительном финансировании, увеличивавших годовой бюджет на 2,5% ВВП.

Новый руководитель Центробанка В.Геращенко, работавший в этой должности еще в бывшем Госбанке СССР, своеобразно понимал задачи центрального банка страны. Во всем мире эти задачи состоят в регулировании и поддержании устойчивости валютно-денежной системы, в условиях же советского социализма заботой банка была поддержка и развитие производства, поскольку оно было сплошь государственным, как и сам банк. Эти принципы В.Геращенко перенес и в новые условия. Выдававшиеся Центральным банком кредиты предприятиям на пополнение оборотных средств и на инвестиции, были льготными (то есть с низкими, а

⁸ На самом деле, по данным Госкомстата РФ, индекс потребительских цен (ИПЦ), которым измеряется инфляция, в 1992 составил 2508,8%.

иногда и нулевыми процентами). В условиях высокой инфляции это приводило к массовым задержкам их поступления к получателям, так как банки, через которые эти деньги проходили, многократно их «прокручивали».

Особенно большой общественный резонанс вызвала так называемая кампания по взаимному погашению долгов предприятий - казалось бы, благое дело, но оно потребовало колоссальных кредитов Центробанка, значительная часть которых по существу представляла собой бюджетные выплаты. В июле и августе кредиты росли с небывалой быстротой: по 50% в месяц.

Такая политика, конечно, принесла некоторые плоды. Спад промышленного производства прекратился. Более того, в сентябре-октябре объем производства начал было расти (в сентябре по сравнению с августом - более, чем на 10%!). Сократилась взаимная задолженность предприятий, уменьшились ставшие к тому времени массовыми задержки зарплаты. Впору было трубить победу.

Но это была воистину Пиррова победа...

Вспомним: в первом квартале федеральный бюджет был практически бездефицитным, в июле дефицит достиг 8,2%, за восемь месяцев - 10,8% ВВП. А дефицит, как мы знаем - это сигнал к инфляции. К тому же в июле парламент принял «Закон о бюджетной системе Российской Федерации на 1992 год», в котором по сравнению с представленным правительством вариантом доходы бюджета были увеличены на 4%, расходы - на 10%.⁹ Еще один толчок к инфляции...

Если весной-летом 1992 года темпы инфляции несколько снизились, то было это следствием достаточно эффективного контроля за денежной массой в первые месяцы года. Но в силу изложенного, уже во втором полугодии страна встретила с новым всплеском инфляционных процессов. *Что же*

касается успехов в области сокращения спада производства, или снижения взаимной задолженности предприятий, или задержек с выплатами заработной платы, то, забегая вперед, отметим: и то, и другое, и третье очень скоро вернулось в прежнее состояние. Более того, в начале 1993 года ситуация во всех этих областях существенно ухудшилась.

Обычно на первом этапе рыночных реформ сразу после ценовой либерализации начинается процесс финансовой стабилизации - как видим, в России этого не произошло. И это было неизбежно в условиях действовавшей тогда Конституции и при сложившемся распределении политических сил. *А если сказать проще - в условиях двоевластия.*

Правительству пришлось сосредоточить свои усилия на борьбе с новым ускорением инфляции, падением обменного курса рубля. Во втором полугодии это стало для него одной из основных макроэкономических проблем. Была предпринята новая попытка изменения финансовой стратегии.

В сентябре-ноябре вновь были резко сокращены расходы государства. Почти одновременно - в октябре-ноябре произошел значительный рост налоговых поступлений (начало сказываться введение налога на добавленную стоимость, правительство получило возможность собирать жатву инфляционного налога и т.д.). В результате осенью дефицит республиканского бюджета России начал снижаться. Правда, при этом возникла задолженность бюджета перед учреждениями социальной сферы по оплате труда, нарушились расчеты за поставки вооружений, расчеты с сельским хозяйством и т.д.

Напряжение в обществе усиливалось. Газеты были полны все новых и новых вариантов программ выхода из кризиса. Голос правительства с его трехлетней Программой углубления реформ тонул в море аналогичных документов, выдвигавшихся Союзом промышленников и предпринимателей, экономическими институтами Академии наук, рядом других.

⁹ См. «Экономика переходного периода... 1991-1997», сс.183-184.

Под каждую из этих программ подводилась теоретическая база. Если очень коротко обобщить, разные научные воззрения здесь скрещивались, так сказать, в двух плоскостях. Во-первых, между «шоко-терапевтами» и сторонниками постепенных преобразований (это называется теорией «градуализма» или «эволюционным подходом»), во-вторых, между приверженцами двух широко известных в мире научных направлений – монетаризма и кейнсианства. Теперь-то уже известно, что исторический спор между первыми двумя направлениями был решен практикой: страны, пошедшие по градуалистскому пути (в том числе и Россия, где «шоковая» терапия, как мы видели, была очень быстро свернута), надолго задержались в состоянии глубокого экономического кризиса, а их антиподы - Польша, Эстония, Словения, Чехия - одержали впечатляющие успехи, через два-три года после «шока» преодолели кризис и возобновили устойчивый экономический рост. Но в рассматриваемое время это еще было не так очевидно, как теперь.

Что касается монетаризма и кейнсианства, то здесь вопрос сложнее. В мировой экономической науке борьба между этими (и некоторыми другими) ведущими направлениями продолжается уже несколько десятилетий с переменным успехом. И то, и другое течение оказало влияние на экономическую политику многих развитых стран. Кейнсианцы - последователи великого английского экономиста Дж.Кейнса - настаивают на необходимости активного государственного вмешательства в ход экономических процессов; монетаристы (последователи американского экономиста, нобелевского лауреата М.Фридмэна) - сторонники широкой либерализации, свободы рынка и во главу угла ставят роль денег в экономике. Кейнсианцы всегда предлагали бороться со спадом экономики, если он случается, путем искусственного (с помощью эмиссии денег) расширения совокупного спроса на продукцию, монетаристы же считают необходимым прежде всего создать условия для инвестиций в расширение

производства продукции, для чего добиваться финансовой стабилизации экономики. На протяжении всей книги мы будем наблюдать, как эти теоретические положения отражаются на предложениях, требованиях и главное - действиях разных политических сил в России...

В декабре 1992 года на бурном VII съезде народных депутатов, после сложных политических игр, Е.Гайдар был смещен на посту руководителя правительства В.Черномырдиным. *В результате этих событий бюджетная политика была вновь ослаблена и во второй декаде декабря начался уже не всплеск, а взлет инфляции - совершенно реальным стало погружение страны в гиперинфляционную пучину.*

1.5 Был ли 92-й год потерян для реформ?

В начале 1993 года, незадолго до известного референдума (о котором речь впереди) Руслан Хасбулатов категорически заявил, что 1992 год «потерян для реформы» и что он, Хасбулатов, правильно с самого начала требовал отстранения от власти «правительства Гайдара»

Тут надо вспомнить, что *в стране осуществлялись параллельно две социально-экономические политики: реформаторская политика Президента и Правительства с одной стороны, и противостоящая ей политика Верховного совета (в лице его «левого» большинства) - с другой. И мы испытывали на себе не каждую из них в отдельности, а результат их взаимодействия. Это означает, что за все, что происходило в стране, по меньшей мере, равную ответственность должны нести две власти - исполнительная и законодательная. Но последняя, будучи вполне реальной, действующей властью, почему-то присвоила себе звание «оппозиции» и удобно устроилась: за все трудности, просчеты и недостатки отвечает правительство, а они, депутаты, создающие законы, по которым живут и правительство, и вся страна - тут ни при чем!*

Конечно, фактическое двоевластие не могло не отразиться на проводимых преобразованиях. Но суждение о том, что первый год реформы был для нее потерян, носило чисто политический характер и было обычной спекуляцией на трудностях, которые переживал народ. Год был действительно трудным - снизился уровень текущего благосостояния населения, упали объемы производства и строительства (хотя, как мы знаем, спад начался задолго до этого года), не лучшие дни переживала наука. Но что тут удивляться? *Это был (не первый, но, к сожалению и не последний) год расплаты за семь с лишним десятилетий социалистического хозяйствования, за жизнь в долг у будущих поколений, то есть, в частности, и у нас с вами...* Если же иметь в виду реформу как таковую, то чтобы оценить, потерян ли год, надо обратиться к тем процессам, которые составляют ее существо. Тем процессам, которые должны были перевести экономику страны на рыночные рельсы, только и способные, как показал исторический опыт, направить наш паровоз не к коммуне, а к свободной, благополучной и цивилизованной жизни, вернуть российский народ в мировое сообщество.

Но только слепой мог не видеть, сколько изменений, несмотря ни на что, произошло в первом году реформ. Не только об освобождении цен и начале заполнения прилавков идет речь. Принципиально изменились отношения между предприятиями - господствовавший в советские годы бартер был серьезно потеснен, для предприятий стало главным не «достать» предметы материально-технического снабжения, а купить их, и не бездумно отгрузить продукцию по разрядке, а продать, предварительно изучив рынок, поторговавшись о цене. До реформ экономисты призывали «покончить с диктатурой производителя», считая ее одним из главных пороков действовавшей системы. Теперь она отпала сама собой... Возникли, наоборот, так называемые «спросовые ограничения», которые стали определять объемы производства, а во многом и качество продукции. Госзаказ перестал быть всеобщим средством давления на предприятия: по существу, государство

стало выступать как равноправный агент, закупающий продукцию лишь для ограниченного круга именно государственных нужд.

В 1992 году ассортимент продуктов и непродовольственных товаров, хотя и скромный по современным мировым понятиям, уже включал все необходимое для жизни. Тем самым началось создание стимулов к труду: есть только одно средство добыть деньги для покупки этих продуктов и товаров (имею в виду честное средство) - больше и лучше работать.

В этом году мощное развитие получила частная торговля. Кое-кто увидел в этом минус: становимся, мол, «страной лавочников». Взгляд крайне ограниченный и недальновидный. Самоцитирование - вещь не очень популярная. Но все же повторю то, что писал в одной из газет в начале 1993 года:

«Прежде всего подумаем вот о чем. Из ста уличных торговцев, может быть, один, наиболее удачливый, завтра станет владельцем киоска, лавочником; из ста лавочников один, наиболее умелый и оборотистый, скопит капитал на магазин, потом на оптовую базу, станет настоящим купцом, потом, может быть, один из крупных купцов, наиболее образованный и дальновидный, вложит накопленный капитал в сооружение фабрики и завода...» . Конечно, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Но первый шаг в этом направлении был сделан именно в 1992 году! А сегодня можно было бы привести десятки, как говорят американцы, success stories - «историй успеха», почти в точности повторяющих описанную последовательность событий.

Одним из приметных явлений 1992 года были товарные биржи. Собственно, появились они несколько раньше, сначала дополняя, а потом и вытесняя прежнюю административную систему материально-технического снабжения производства. В 1992 году они пережили настоящий бум, многие их участники скапливали на биржевых сделках первые состояния, становились теми, кого вскорости стали называть «новыми русскими».

Впрочем, может быть, полезнее было то, что они скапливали не только состояния, но и ценнейший опыт - опыт рыночной деятельности, которого так России не хватало.

Хотя и с некоторой задержкой, с середины этого года начался процесс приватизации. Не все получилось с ваучерами - это тема отдельного разговора. Но все же цифры говорят за себя: всего за один год в России появилось 50 тысяч частных предприятий, были акционированы сотни крупных и даже крупнейших заводов и фабрик. Значит, и здесь тезис о том, будто бы год остался потерянным для реформы - несостоятелен.

И вообще, на каждом шагу любому непредубежденному наблюдателю бросались в глаза изменения. Реклама на улицах, на телевидении, по радио, в газетах и журналах, повсюду - день ото дня становилась (нравится ли это или не нравится кому-то - другой вопрос!) более назойливой, яркой, вездесущей. Сначала ей занимались исключительно частные фирмы, потом понемногу стали овладевать этим искусством и государственные предприятия. В ней даже стали проявляться первые черточки конкуренции. Например, 16 сентября 1992 года в газете «Деловой мир» под заголовком «Документ эпохи» была опубликована рекламная листовка, где Магнитогорский комбинат предлагал металл «по цене на 10-15% более низкой, чем любые другие предприятия СНГ»...

Появились не только биржи, но и многочисленные коммерческие банки, аудиторские и консалтинговые фирмы, и многое из другого, что в совокупности называется рыночной инфраструктурой. Появился пусть пока незначительный, но растущий слой самостоятельных хозяев, в том числе и на земле.

Первые плоды принесла либерализация внешней торговли. Но на начальном этапе свобода оказалась чрезмерной, российские предприниматели не были к ней готовы. Порою они конкурировали между собой на внешних рынках, взаимно снижая цену на вывозимые товары, импортировали

скупленные подешевке залежалые и просто недоброкачественные изделия, а потом заваливали ими отечественные прилавки, и так далее. Поэтому правительству пришлось прибегнуть к возврату некоторых ограничений в области внешней торговли, ввести импортные и экспортные пошлины, состав которых со временем изменялся в зависимости от экономической конъюнктуры и изменений приоритетов экономической политики.

Не все удалось правительству реформаторов. Намеченная им программа была выполнена не до конца, часть прогнозов или, скажем так, обещаний не оправдалась. Главное, не получилась финансовая стабилизация - несмотря на все усилия правительства, инфляция продолжалась, а к концу года даже стала угрожающе раскручиваться. И это отозвалось на всем дальнейшем ходе событий, вплоть до наших дней. О причинах сказано, повторять не стоит.

И еще: не удалось разрушить исторически обреченную, бесплодную колхозно-совхозную систему на селе, отдать крестьянам по праву принадлежащую им землю. В этом можно было считать год потерянными, но задача окончательно не решена и до сих пор.

Подведем короткий итог. Нет, год 1992-й в целом не был потерян для реформ. Но его нельзя назвать и удачным стартом, после которого процесс реформ пошел бы так, как задумывалось, без сучка и без задоринки. К сожалению, как мы знаем, этого не случилось. То громче, то тише звучали все прошедшие годы упреки в «провале реформ» и обвинения реформаторов в том, что они пошли методом «шоковой терапии», а не более «мягким, щадящим», в том, что это именно они, реформаторы, принесли народу тяготы и страдания..

О том, в какой мере эти обвинения справедливы, можно судить по примеру Эстонии, начинавшей реформы в исходных условиях не просто похожих на российские, но, собственно, в тех же самых.

1.6 Истина познается в сравнении.

Как и все другие бывшие советские республики, ставшие самостоятельными государствами, Эстония полной мерой хлебнула тех трудностей, которые были связаны с переходом от социалистического хозяйства к рынку. На ее долю к тому же выпали испытания, вызванные отлучением от сложившихся источников сырья, особенно энергоносителей - разрыв хозяйственных связей куда больнее отзывался в малых странах, нежели в России. Люди испытали полную чашу страданий в холодную и голодную зиму 1991/92 года, когда в домах не работало отопление и многие, кому удавалось, уезжали из столицы в деревню, где можно было хотя бы протопить печку дровами. В магазинах были пустые полки, а старики неделями дежурили у почтовых отделений, дожидаясь своей скудной пенсии...

Как и в России, здесь забушевала инфляция, например, только за январь 1992 года цены выросли почти вдвое (причем здесь цены и без того были очень высоки: частично их начали освобождать раньше, чем в России, еще с 1989 года).

Вот в таких условиях и было принято смелое решение: *в кратчайшие сроки, без промежуточных этапов покончить с инфляцией*, для чего провести денежную реформу и восстановить собственную валюту - эстонскую крону. Проект реформы был разработан группой эстонских экономистов (Э.Сависаар, С.Каллас и др.) при участии бывшего тогда ярким поборником «шоковой терапии» американского профессора Джеффри Сакса - кстати, того самого, который на начальном этапе российской реформы был одним из советников правительства президента Б.Ельцина и подвергался нападкам в парламенте и прессе за якобы «вредные монетаристские рекомендации». Разработке проекта содействовал также Международный

валютный фонд (опять-таки обвинявшийся российскими противниками реформаторского курса во всех смертных грехах).

Был избран вариант предельно жесткой кредитно-финансовой политики - примерно аналогичной тому, что на первом этапе пыталось проводить в России правительство Ельцина-Гайдара. Надо ли объяснять, что такой курс очень серьезно сказался на жизненном уровне населения? Но люди держались.¹⁰ И главное - здесь действовали заодно, согласованно все: правительство, парламент, центральный банк. Комиссия по денежной реформе во главе с премьер-министром Т.Вяхи обладала, по существу, чрезвычайными полномочиями. Было принято конституционное решение: *запретить принятие дефицитных государственных бюджетов*. 20 июня 1992 года начался обмен рублей на кроны - событие, круто изменившее всю жизнь страны. Крона была привязана к немецкой марке, причем банк эмитировал строго ограниченное количество денег, в меру имевшихся золотовалютных запасов - ни кроной больше. (В пополнении валютных запасов сыграли роль два обстоятельства: возврат из западных стран части эстонского золота, вывезенного в 40-х годах, помощь Международного валютного фонда). Банк Эстонии стал работать только с коммерческими банками, отказавшись от прямого кредитования хозяйства, в том числе и аграрного сектора. Ни кроны государственных кредитов предприятиям, как бы они ни требовали, как бы ни жаловались на невозможность выплачивать людям заработную плату! Но резкий спад производства (достигший примерно 40%) вскоре прекратился. Замедлился, а потом и прекратился рост оптовых цен. Быстро стала расти заработная плата. Была проведена приватизация государственного сектора, причем многие крупные

¹⁰ Как не вспомнить здесь еще один исторический пример? Когда творец германского «экономического чуда» Л.Эрхард (о нем говорилось во Введении к этой книжке) взял курс на создание экономики свободного рынка, он прежде всего провел жесткую денежную реформу: огромная часть старых денег у населения была фактически конфискована, причем без всякого обещания компенсации. В действительности, эта компенсация все-таки состоялась как бы сама собой: в результате наступившего вскоре экономического подъема и повышения уровня жизни людей ...

предприятия бывшего так называемого союзного значения просто перестали существовать (в свой первый приезд в Таллинн я видел в центре города пустые глазницы окон - как во время войны - знаменитых в прошлом радио- и кабельного заводов, в следующий приезд их здания сверкали мрамором, там обосновались новые банки и другие учреждения). Самый большой завод в Таллинне, «Двигатель», в советское время выпускавший атомные силовые установки и другую военную продукцию, был разделен на 13 предприятий; часть из них была приватизирована по отдельности, часть просто ликвидирована.

Старт эстонских реформ был решительным, и последствия были в точности такие, какие описываются в современных учебниках: сначала была укрощена инфляция (сейчас, в отличие от России, здесь розничные цены на основные товары вовсе не растут уже несколько лет), спад производства замедлился, а с 1995 года возобновился его рост (в России - фактически только с 1999 года, хотя начинали реформы – напомним - одновременно). Средняя заработная плата в стране превысила 600 долларов в месяц (в два раза больше, чем в России), причем дифференциация доходов здесь существенно меньше, и значит, эта цифра ближе к реальности.

Итак, есть две страны. Одна отказалась от «шоковой терапии», за что мы должны благодарить законодательную ветвь власти и экономистов – сторонников «щадящего», «эволюционного» пути. И другая – страна «классической шоковой терапии экономики». Может быть, нагляднее и объективнее всего покажет разницу в их развитии простенькая табличка:

Валовой внутренний продукт на душу населения
(по паритету покупательной способности, долларов)

	Россия	Эстония
--	---------------	----------------

1993	4950	3803
1996	6742	6645
1999	6067	8519
2002	7924	10320

Источник: Российский статистический ежегодник. Официальное издание. 2004г., с.с. 685, 687, 689, 693.

Словом, теперь жители Эстонии считают реформу хотя и трудным периодом - но давно пройденным периодом истории.

Совсем иначе развивались события в России, где «шоковая терапия» была прервана, по существу, так и не начавшись. А ведь и мы могли бы действовать так, как действовали соседи. И, может быть, жили бы соответственно.